

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

А. С. ТВЕРИТИНОВА

К ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕЛИЗАВЕТИНСКОЕ ВРЕМЯ

Условия Белградского мирного договора 1739 г., которым закончилась война России и Австрии против Османской Империи, на длительный период определили официальное содержание взаимных отношений Турции и России.

При активном „содействии“ Франции, являвшейся, в лице своего представителя маркиза де-Вильнёва, посредницей в заключении названного мира, России не удалось сколько-нибудь успешно осуществить все более остро необходимую для ее экономического развития цель — выход в Черное море и организацию через него широких торговых связей с внешним миром. По Белградскому договору, как известно, за Россией не было признано право постройки и содержания флота в водах Азовского и Черного морей. Азовскую крепость надлежало разрушить, подобно тому, как ранее (по договору 1711 г.) был срыт Таганрог. По пункту 9-му договора российским купцам разрешалось осуществлять „коммерцию“ по Черному морю только на „судах турецким подданным принадлежащих“.¹

Таким образом, работа комиссии по разграничению, срытие Азова, разбирательство пограничных инцидентов между казаками и крымскими татарами, размен пленными, а также неоднократно и в различных формах поднимавшийся российской стороной вопрос о мерах для развития торговли, — таково содержание взаимных дел, которые в соответствии с Белградским договором достались в наследство от ее предшественников дочери Петра — Елизавете, вступившей на престол в конце 1741 г.

Однако сложная международная обстановка в Европе, возникшая в связи с рядом непрерывно следующих друг за другом в середине XVIII в. войн, — война за польское наследство (1733—1735), война за австрийское наследство (1740—1748) и, наконец, Семилетняя война (1756—1763) — привносили в русско-турецкие отношения многое, что являлось откликом на европейские события и, разумеется, не предусматривалось условиями Белградского договора.

Известно, что в основе всех этих конфликтов лежала, прежде всего, борьба Англии и Франции за колонии и мировое господство, а также борьба Пруссии и Австрии за главенствующую роль в Германии, ко-

¹ Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. 1869, стр. 15—24.

тору Англия и Франция всегда старались использовать в своих интересах.

Известно также, что и удельный вес России в международной жизни того времени начал неуклонно возрастать.

Выход на мировую арену такого мощного государства, каким стала с начала XVIII в. Россия, серьезно тревожил европейские державы и особенно Англию и Францию. Стремясь, с одной стороны, использовать силу России в своих интересах, они, с другой стороны, прилагали огромные усилия для того, чтобы в случае необходимости располагать возможностью нейтрализовать успехи России при помощи созданного ими постоянного враждебного окружения ее. Для этой цели дипломатические агенты Франции, а потом и Англии, вели непрекращающиеся интриги против России в соседних ей государствах — Швеции, Пруссии, Польше и Турции. Потому-то любой вопрос между Россией и Турцией, связанный ли с условиями Белградского договора, или возникавший помимо них, всякий раз значительно осложнялся в результате прямого или косвенного вмешательства иностранных представителей в Турции. И потому, конечно, русские резиденты в Стамбуле должны были значительную часть своего внимания уделять не столько разрешению тех или иных вопросов с Турцией, сколько тщательному и бдительному разведыванию происков Франции и Швеции, направленных против России, чтобы иметь возможность своевременно устранить их вредные для своего государства последствия. Переписка между русским правительством и стамбульскими резидентами, хранящаяся в архиве Коллегии иностранных дел,¹ является ярчайшим свидетельством того, как много забот доставляла эта деятельность иностранных агентов русским представителям при Порте.

Как известно, при непосредственном содействии Франции и по ее настоянию, 22 декабря 1739 г. между Турцией и Швецией был заключен оборонительный трактат, направленный, разумеется, в первую очередь против России. С интересами Франции в значительной мере совпадали и условия Белградского договора 1739 г. Вспомним, что для Франции в этот период было крайне важно сохранить свои прочные позиции как в самой Турции, так и в левантйской торговле вообще, которым Россия с выходом на международную арену могла сильно повредить. Не выказывая своей прямой враждебной деятельности в Турции по отношению к России, Франция стремилась всеми возможными средствами, в том числе и своим положением посредника и примирителя, извлечь максимальные выгоды для себя. В этом направлении и развернул свою активную деятельность французский посол в Стамбуле де-Вильнёв, а затем и его преемники — Кастеллан (с 1742 г.) и Дезаллер (с 1746 г.).

Двуличная игра Франции с самого начала была известна и понятна в Петербурге. В императорских рескриптах русским резидентам в Стамбуле настоятельно предписывается следить за всеми действиями французских, а также и шведских представителей и любыми средствами предотвращать вредные для России последствия их происков.

Так, в рескрипте Елизаветы, отправленном из Петербурга 24 марта 1742 г. русскому резиденту в Стамбуле Вешнякову,² как и во многих

¹ Архив 6. Коллегии иностранных дел России — АКЦДР.

² Алексей Андреевич Вешняков (ум. в 1745 г.) — русский резидент в Стамбуле с 1735 по 1745 г.

других предписаниях, предшествующих и последующих, настоятельно подчеркивается: „На французские и шведские поедвосприятия и при Порте неотменно происходящие внушения и побуждения, вы наиприлежнейшее смотрение и разведывание свое продолжать также и к опрозержению и к уничтожению оных все потребные меры употреблять не приминете... Непряמודушие и опасные Французского двора поступки из того толь наивяще явствуют, что в самое то время, когда при Порте такие против нас вспоможение Шведам внушения и явные побуждения употребляет с другой стороны нам наисильнейшие обнадеживания своей дружбы и к поспешествованию между нами и Швециею мирного дела доброжелательного намерения учинит...“.¹

Главная задача Франции первоначально состояла в том, чтобы ослабить успех России в войне со Швецией (1741—1743), путем привлечения на сторону последней Польши и Турции. Для достижения этой цели французские дипломаты прибегали к самым разнообразным средствам, из которых основным являлось постоянное запугивание „злостными намерениями России“ в отношении ее соседей. Французский посол в Петербурге Шетарди, претендовавший после восшествия на престол Елизаветы на роль ее главного советника по вопросам внешней политики России, вместе с тем был тесно связан секретной перепиской с французским представителем в Стамбуле де-Вильнёвом и с знаменитым авантюристом, игравшим не малую роль в тот период во внешней политике Турции, Бонневалем,² постоянно информируя их о внутреннем состоянии России.³ Общими усилиями, прямыми и косвенными путями, все эти деятели французской дипломатии тщательно изыскивали способы заставить Турцию начать военные действия против России. В секретной реляции № 14 от 14 мая 1742 г. Вешняков доносил в Петербург: „... посол французский имеет от двора его указы и по тем всеми силами побуждать на ваше императорское величество или явным действием или тайным то есть через татар под каким ни есть вероподобным протекстатом или деньгами, внушая, что Порте есть свой крайний интерес дабы швед содержать в войне с вашим императорским величеством...“.⁴

Одновременно с этим Франция всеми средствами добивалась создания более широкой коалиции, направленной против русско-австрийского союза. В эту коалицию должны были войти Порта, Франция, Швеция, король прусский и Польша.⁵ Уже в том же 1742 г. все чаще мелькают сообщения о французских и шведских происках в этом направлении, причем и здесь используются не только прямые, но и всевозможные косвенные

¹ АКЦИДР. Сношения с Турцией, 1742, № 3, л. 34—35.

² Граф Бонневаль (1675—1747) — французский офицер, после ряда авантур в Западной Европе в 1732 г. нашел себе приют в Турции, где, приняв мусульманскую веру, под именем Ахмет-паши Бонневала, на долгое время сделался любимым советником турецких султанов в вопросах внешней политики. Ему принадлежал и план оборонительного союза Швеции, Польши и Турции против России (см. История Дипломатии, под ред. В. П. Потемкина, т. I, 1941, стр. 183).

³ Вешняков в письме к русскому послу в Вене Лачинскому от 10 января 1742 г. приводит содержание письма Шетарди к французскому послу в Стамбуле де-Вильнёву, в котором Шетарди, сообщая о напряженном экономическом и финансовом положении России и о том, что войска русские стянуты к Шведской границе, добавляет: „... и тем границы турецкие обнажены, опричь некоторых гарнизонов. Сие единое приняв в расуждение подает случай Порте, какова может быть никогда не подаст...“ (АКЦИДР. Сношения с Турцией, 1747, № 4, л. 67).

⁴ Там же, л. 456.

⁵ Там же, 1742, № 5, л. 356.

пути и средства. Так, например, в реляции № 15 от 29 апреля 1742 г. Вешняков сообщает, что „французский посол Карлсон ищут способ через молдавского князя Георгия Гику между прусским королем и Портою трактат альянции заключить“.¹

Повидимому, подозрения Вешнякова не лишены были основания и в отношении цели посещения Порты польским послом Павлом Бенуа 28 декабря 1742 г.²

Швеция, поощряемая Францией и пользуясь прямой поддержкой своей покровительницы, начала проявлять дипломатическую активность в Турции. Вешняков приводит копию письма шведского короля к крымскому хану, в котором правитель Швеции настоятельно просит последнего, во что бы то ни стало, склонить Порту к выступлению против России. Стараясь действовать на турок страхом, он не стесняется до предела сгущать краски: „А паче будучи Московитяни как ей Блистательной Порте так и нам вредны учинением злодейства обоим сторонам как ясно видно есть, что с той стороны расширить свое владение намерены, весьма сходственно махомеданскому закону было ежелиб Блистательная Порта для безопасности своей на отезде поступила. Вследствие чего уповаем от императорской державы Блистательной Порты, что по силе согласий наших, между нами и ею, нам помощь подаст. Особливо же что будучи сии зломышления неприятеля нашу армию с морской стороны окружены и заперты. Ежели Блистательная Порта таким же образом с другою стороны атаковать их похощет, то с божиею помощию стоя крепко желаемую общую безопасность необходимо возымеет“.³

Нельзя сказать, чтобы турецкие правители равнодушно выслушивали все эти призывы и уговоры „истинных друзей“ Османского государства. Нельзя сказать также, что курс внешней политики Турции в тот период отличался твердостью, последовательностью и самостоятельностью. Несмотря на то, что видимой опасности со стороны России все-таки не было, правящая верхушка Турции, тем не менее, во всем проявляла к русским постоянное недоверие, деятельно подогреваемое иностранцами. В любых предложениях со стороны России старались видеть они злонамеренность и дальнюю цель. Отвергая все без разбора, старательно защищали турки чужие интересы, даже в ущерб своим прямым выгодам. И хотя внутреннее положение страны, как и реальная угроза поражения со стороны Ирана, в этот период настоятельно требовали сохранения мирных отношений с Россией, Порта, следуя советам многочисленных „друзей“ своих, под внешним покровом дружбы с Петербургским правительством на самом деле тайно оказывает материальную поддержку Швеции,⁴ ведет подозрительные переговоры с поль-

¹ Там же, № 4, л. 509.

² Там же, 1743, № 4, л. 349—358.

³ Там же, 1742, № 4, л. 243.

⁴ В письме к русскому послу в Вене Лачинскому от 9 июля 1743 г. Вешняков сообщал: „8-го июня Порта Швецию о дружбе своей низкрепчайше обнадежила; не ведаю обещала ли то движение татар, но подлинно денежную помощь и с тем послал Карлсон своего конюшего; а 14-го и денег действительно дал, за подлинно слышу что будто-бы не более 500 мешков [мешок — турецкий „кесе“ — равен 40 000 акче или около 500 рублей по тогдашнему курсу], хотя по некоторым околичностям и является, что может быть и тысячу мешков дала, с которыми в краткие дни потом Карлсон отправил морем на шведском корабле королевского секретаря Лилиенберга“. (Там же, 1743, № 5, л. 426).

В приложенном к реляции Вешнякова № 11/58 от 22 апреля 1743 г. сообщении одного из его тайных осведомителей при Порте говорится, что во время беседы между Бонневалем и великим везирем о помощи Швеции, последний заявил: „ежели Швеция какую услугу Порте оказала, за то щедро воздала, ибо де поныне сия дружба Порте уже более полутора миллионов стоит...“ (там же, 1743, № 4, л. 442).

скими шляхтичами¹ и позже, уступая настояниям французских, а затем английских представителей, постепенно склоняется и к союзу с Пруссией против России.²

Однако до поры до времени, несмотря на все нажимы, Порты под разными предлогами уклонялась от прямого военного выступления против России.

Между прочим, современная турецкая буржуазная историография ставит в упрек политическим деятелям Османского государства первой половины XVIII в. то обстоятельство, что они не использовали весьма, якобы, благоприятной международной ситуации для „окончательного“ поражения России, и считает, что политическая „недальновидность“ руководителей Турции того времени была одной из основных причин дальнейших неудач Османского правительства на внешнеполитической арене.³

Делая подобного рода упреки своим далеким предкам, указанные турецкие авторы не учитывают в достаточной мере того, что Османская империя в XVIII в. была уже не в состоянии поступать со своими соседями так, как это ей удавалось полтора—два столетия тому назад. Соседние государства, и среди них в первую очередь Россия, к этому времени внутренне значительно окрепли и имели возможность противопоставить теперь агрессии турок такие силы, с которыми справиться становилось все труднее.

Правда, прусский король Фридрих II в 1757—1760 гг., опираясь на поддержку английских представителей в Стамбуле, деятельно уговаривал султанское правительство заключить военный союз против России. Стараясь разжечь захватнические аппетиты турок, Фридрих II в письме Султану Мустафе III от 30 марта 1760 г. писал, что более благоприятного момента для выступления османов не выпадет, что противники Пруссии являются одновременно врагами всей Европы и османов. Вследствие этого, подобно тому, как прусский король сражается против врагов, с давних пор сжимающих его страну, так и Османское государство, чтобы не потерять дружбу Пруссии, обязано принять предусмотрительные меры. В таком случае оно легко получит и Темешвар, и Будин, а другим движением (подразумевается движение против России) к Османским землям легко будет присоединить Украину вместе с построенными крепостями в области, называемой „Новая Сербия“.⁴

Как мы знаем из истории, этому далеко идущему по замыслам союзу не удалось осуществить задуманных планов. Намеченные ими жертвы оказались сильнее, чем они предполагали, и сумели постоять за свои земли. Но тот факт, что некоторые современные турецкие историки, подчеркивая столь давнюю общность интересов Пруссии и Османского государства, явно сожалеют о том, что Порты в XVIII в. оказалась неспособной осуществить деятельную помощь своим „естественным союзникам“, — сам по себе в достаточной мере примечателен, так как он весьма характерен для современной официальной турецкой науки, состоящей на службе у реакционных фашиствующих кругов.

¹ См. упоминаемое выше сообщение Вешнякова.

² АКИДР. Сношения с Турцией, 1754, № 13, лл. 9—14 и 190—200.

³ Tarih, cilt III, Istanbul, 1933, стр. 144. — Akdes Nimet Kurat. XVIII yüzyıl başı: „Avropa umumî harbi“nde Türkiye'nin tarafsızlığı. Belleten, 1943, c. VII, sayı: 26, стр. 245—272.

⁴ Dr. Salahaddin Tansel. Büyük Fridrih devrinde Osmanlı — Prusya münasebetleri hakkında. Belleten, 1946, c. X, sayı 37, стр. 147—148.

Подобно тому, как в свое время Порты не отказалась от союза со Швецией и оказывала ей посильную материальную помощь в войне против России, так в конце-концов анти-русский договор был заключен и с Пруссией в период Семилетней войны (22 марта 1761 г.). Однако, как уже выше отмечалось, несмотря на явную склонность многих государственных деятелей Порты в течение всего царствования Елизаветы Петровны принять участие в борьбе против России, на деле они не осуществили этого своего намерения. Причина такой „нерешительности“, как мне кажется, заключалась в том тяжелом внутреннем экономическом и политическом кризисе, который в эту эпоху переживала Османская империя и который очень связывал внешнеполитические тенденции ее правящей военнофеодальной верхушки.

В дополнение к этому необходимо помнить, что на Ближнем Востоке к тому времени непрекращающееся соперничество между Османской империей и Ираном вновь обострилось и нашло свое выражение в ряде постоянных военных столкновений, которые, затихая на короткий срок, вспыхивали вновь с неослабевающей силой на протяжении почти всей первой половины XVIII в. Эти войны требовали от Османского правительства огромного напряжения, тем более, что экономически Турция была к ним абсолютно не подготовлена. Внутреннее состояние страны было катастрофическим во всех отношениях. Период успешных завоевательных походов для турок давно закончился. Каждая война теперь не только не приносила богатой добычи и дани, но, наоборот, требовала мобилизации всех внутренних материальных ресурсов государства. Между тем производительные силы страны находились на самом низком уровне развития и ни в какой мере не могли удовлетворить все возрастающие запросы государственного казначейства и султанского двора. Господствовавшие во всех областях хозяйственной и политической жизни взяточничество, торговля государственными должностями и откупная система взимания налогов в свою очередь весьма отрицательно сказывались на источниках доходов, способствуя еще большему расстройству государственного бюджета. Сельское хозяйство и крестьянский труд — этот теперь почти единственный источник доходов страны — эксплуатировались самым варварским и хищническим способом. Серьезные недороды в течение ряда лет как в азиатских, так и в европейских провинциях были, повидимому, следствием не только крайне низкой сельскохозяйственной техники, но и прямого запустения значительной части районов, разоренных бесконечными походами и покинутых сельским населением.

В трудах авторов турецких хроник XVIII в., современников описываемых ими событий, мы, к сожалению, не очень часто можем встретить объективное описание переживаемых страной внутренних трудностей. Эти авторы, являясь официальными регистраторами преимущественно событий придворной жизни, даже в тех случаях, когда они касались обстоятельств вне этого круга, соблюдали строго официальную точку зрения, точку зрения правящей верхушки, которая, конечно, абсолютно не была заинтересована в полном и правдивом отображении жизни подданных Османской империи. Тем не менее отдельные сообщения о частых народных волнениях и „беспорядках“, возникающих то в одной, то в другой провинции, проникают и на страницы названных официальных турецких хроник. Такого рода сообщения, найденные нами в „Истории Субхи“,¹

¹ Тарих-и Субхи (летопись событий в Османской империи с 1730 по 1743 год). Стамбульское издание 1198/1784 г., лл. 148, 218, 232—233 и др. (арабский алфавит).

в „Истории Иззи“,¹ в „Истории Васыфа“,² позволяют составить некоторое представление о том, какова была обстановка внутри Османского государства в интересующий нас период.

Однако наиболее яркие и полные картины внутреннего состояния страны рисуются в многочисленных донесениях русских резидентов из Стамбула. Нужно сказать, что до сего времени донесения русских дипломатических представителей в Турции вообще чрезвычайно мало использованы в науке для изучения внутреннего состояния Османской империи. Между тем, даже поверхностное ознакомление с этими документами показывает, каким важным источником они должны явиться для каждого историка Турции и как помогают они понять, чем определялась та или иная позиция Порты на различных этапах ее внутренней и внешней политики. В самом деле, как это ярко подтверждают использованные архивные документы, и Алексей Вешняков, проживший в Стамбуле почти 10 лет, и Адриан Неплюев, исполнявший обязанности резидента 5 лет, и Алексей Обресков, прослуживший в Стамбуле в общей сложности около 20 лет, не только прекрасно знали состояние государственных дел Турции, но и разбирались во всех тонкостях внутренней и внешней политики Порты не хуже самих турок. Потому-то их свидетельства и являются для нас особенно интересными и ценными.

В письме к русскому чрезвычайному послу в Лондоне С. К. Нарышкину от 10 августа 1742 г. Алексей Вешняков следующим образом характеризует внутреннее состояние Османской империи: „... Что сия великая империя есть в толь великом беспорядке и худом состоянии, что ни мало не в силе никакому знатному предприятию, и не достойна того мнения, каковое по беззатию во всей Европе о турках и их силах имеет оставшееся от застарелого страха прежней их свирепости и много причиненного зла, яко в первых надлежит ведать то, что ныне не те уже турки, которые тому 50 или 60 лет назад толико страшили, но токмо стень (?) их, понеже ныне нрав здешнего народа и прежде бывший воинский дух совсем отменился...“.³

Рассказывая далее о том, что в стране безнаказанно господствуют взяточничество, подкуп, интересы личной наживы, Вешняков делает вывод, что об улучшении государственных дел, собственно, никто и не заботится, так как каждый более всего стремится оградить личные интересы и как можно больше урвать от государства для себя. Все это „от того происходит, — продолжает Вешняков, — что не будучи ни в чем порядка, ни в сборах, ни в накладах государственных, не имеет ни пятой доли доходов государственных яко всего на все положенного едва с 60 000 000 левкоз⁴ или 36 000 000 рублей собраться может... и из тех по малой мере четвертая доля при сборах раскрадена и в казну не доходит... а в военное время остальная половина раскрадена... ныне казна столь в крайней скудости... что уже доходы 1744 года ныне все собраны, а в казне денег нет...“.⁵

¹ Тарих-и Иззи (обнимает события периода 1744—1751 гг.) Стамбул, 1199/1785, лл. 206, 269 и др. (арабский алфавит).

² Тарих-и Васыф (события периода 1752—1774 гг.), Булакское издание, 1246/1830 г., т. I, стр. 48, 97—98 и др. (арабский алфавит).

³ АКИДР. Сношения с Турцией, 1742, № 5, л. 623.

⁴ Левок (по-турецки — гуруш) — небольшая серебряная монета, содержала в себе 40 пара или 120 акча. По курсу того времени левок был равен, примерно, 60 копейкам.

⁵ АКИДР. Сношения с Турцией. 1742, л. 626.

Подобно о рода сообщениями пестрят донесения Вешнякова и его преемников и во все последующие годы. В 1743 г., сообщая об огромных богатствах, скопленных в руках отдельных государственных деятелей, имена которых он называет, Вешняков добавляет: „Толь великие суммы не удивительны быть имеют, яко всяк крадет, грабит и всеми силами и неправдами собирает без великого опасения, по дачам начальным: чем великий торг и навигация, всякие промыслы, всего изобилие и множество промышленных вольных народов по пространству сей империи случай подают. И есть неисчислимые богатства. Но единой беспорядок и нерадение об общем благе причиною, что государственные доходы так малы и тех едва треть исправно доходит и расходуется...“¹

Разумеется, что при таких методах пользования благами „промысла и торговли“, последние не только не проявляли тенденции к развитию, но наоборот, хирели и приходили в упадок.

Между тем, положение государственной казны становится все более катастрофическим. Бесконечные займы у стамбульских ростовщиков,² внеочередные „наклады“ на асмян, греков, евреев и их религиозные учреждения и общины,³ конфискация имущества разжалованных и умерших сановников⁴ и тому подобные крайние меры, конечно, не могли способствовать устранению столь тяжелого экономического и финансового положения в стране, тем более, что хлебородные провинции были разорены, население в них голодало и не в состоянии было что-либо еще выдѣлать в казну.

„... в Эрзеруме и в окрестных, — сообщает Вешняков в 1742 г., — несказанная нужда и дороговизна хлеба и прочих съедобных вещей, от чего войска, собирающиеся из дальних мест, а паче отсюда приходящие все бегут, ибо малою платою по той дороговизне пробавляться не могут. Но и той уже несколько месяцев не получали“.⁵

В 1744 г. Вешняков сообщает о присылке в Порту писем, в которых сообщается „о бедствовании всех вавилонских [т. е. багдадских] провинций — Басры, Мосула и Диярбекира и об опасности, в которой находится [тамошний наместник] за неимением денег, войска, артиллерии, амуниций, а паче всего за недостатком в провианте“.⁶

Не изменилось положение и в следующем, 1745 г.: „Государственная казна начисто опустошена, — сообщается в докладной записке Обрескова после смерти Вешнякова, — провинции в Азии разорены и помощь не могут... деньги за два года вперед взяты... войска два года жалованье не получали... Прежде всего за свою охоту на войну ходившие, ныне сию ненавидят и слышать об ней не хотят...“.⁷

„В Урфе и окрестных местах обитатели бунтуют и указов Порты не слушают...“⁸ „Войска румелийские охотнее отказываются от тимаров (земельных ленных владений, — А. Т.) своих, нежели на персидскую войну идти“.⁹

В 1746 г. картина остается неизменной: „В Эрзеруме и Карсе равномерно ж толь великий недород, что тамошние жители, а наипаче карские

¹ Там же, 1743, № 4, л. 522.

² Там же, 1746, № 4, л. 35.

³ Там же, 1743, № 5, л. 226; 1744, № 3, л. 147.

⁴ Там же, 1743, № 5, л. 427.

⁵ Там же, 1742, № 5, л. 546.

⁶ Там же, 1744, № 5, л. 89.

⁷ Там же, 1745, № 6, л. 337.

⁸ Там же, № 4, л. 384.

⁹ Там же, № 4, л. 380.

от великого голоду жилища свои оставили“, — пишет в своих донесениях А. Неплюев.¹ Переводчик при русском резиденте в Стамбуле Николай Буйдий, прослуживший в этой должности более 10 лет, приезжая в 1748 г. с поручением в Киев, докладывал:

„На полях бендерских, где прежде около 40 деревень молдавских было, ныне только с восемь осталось, от непристойных налогов; и тако все молдавцы, жители оных деревень, перешли в Польшу...“.²

В 1752 г. тот же Николай Буйдий, вернувшись из Стамбула в Петербург, составил „Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты“, в котором бедственное положение ее описано особенно ярко:

„Между тем, — писал Буйдий, — государственная казна будучи оскудена, тако ж и во всех провинциях, а особливо азиатских, находящихся в крайнем разорении... В защищении убо такого тиранства, народы тех провинций принуждены находились свои жилища и полевое земледелие оставить, из которых народов часть для своей обороны прибегла в главные провинциальные города, а часть из многих опустошенных деревень собравшись в едино поселение, где хотя за недостатком земледелия претерпевает глад, однакож все единодушно принявшись за оружия, противятся насилию Порты Оттоманской и тем средством освободились от денежных похитительных сборов и по своему произволению отдают Порте такие подати, какие сами похотят. Не токмо в большой Азии одна за другой приняли такое средство к непослушанию, но и в меньшей Азии провинции уже следуют тому же примеру. Чего ради в коротком времени не токмо государственные доходы весьма убавились, но и все те народы вовсе лишились послушания и почтения к министерству и не много чего ожидает, как токмо случая открыть явно свое непослушание“.³

В этот же период к перечисленным выше трудностям финансово-экономического характера добавилось еще все более увеличивающееся беспокойство султанского правительства за целостность османских владений. Дело в том, что отдаленные провинции империи — Эрзерум, Эрзинджан, Мосул, Диярбекир, Багдад, Басра, Египет и др., населенные армянами, курдами, арабами, т. е. народами, покоренными в свое время турками, — ни экономически, ни политически не тяготели к Османскому государству. Более того, всякий раз, когда внутренние и внешние затруднения стамбульского правительства особенно обострялись, они немедленно проявляли тенденцию к освобождению из под турецкого гнета. Правда, феодальные правители провинций часто пользовались подобного рода движениями в своих сепаратных целях. Но это обстоятельство не облегчало положения Порты. Война с Ираном в описываемую эпоху как раз создавала очень благоприятные условия для подобного рода движений на окраинах империи. И действительно, не только реляции русских резидентов, но и турецкие исторические хроники пестрят сообщениями о частых восстаниях то в Эрзеруме и других восточных областях Анатолии, то в Багдаде и Диярбекире, то в Египте.⁴

Подобного рода известия поступали в Стамбул не только из восточных, но и из европейских провинций. Неповиновение и „беспорядки“,

¹ Там же, 1746, № 4, л. 27.

² Там же, № 2, л. 90.

³ Там же, 1752, № 7, л. 2. Повидимому, под выражением „меньшей Азии“ Буйдий имеет в виду собственно малоазиатские владения, а к „большой Азии“ относит принадлежавшие тогда туркам земли Сирии, Ирака, Аравии и т. д.

⁴ Там же, 1742, № 5, л. 547; 1743, № 5, лл. 20, 530; 1748, № 2, л. 27; 1752, № 7, л. 3 и т. д. Тарих-и Субхи, лл. 148, 232, 233; Тарих-и Иззи, лл. 206, 269 и т. д.

как уже говорилось выше, имели место и в Албании, и в Боснии, и даже в Крыму.¹

Последнее обстоятельство, т. е. проявление признаков непокорности в Крыму, и в связи с этим некоторая неуверенность в том, какую позицию займут крымские татары в случае нового столкновения с Россией, особенно беспокоили Порту и также заставляли ее придерживаться внешне миролюбивой политики в отношении русского правительства. Еще в 1743 г. Вешняков доносил в Петербург: „... от многих я обнадежим, а паче от Галанского посла, от Венского посла от Пенклера, от венецкого посла от нашего миралема и от Якуб аги,² что главная сего министерства боязнь есть, что при первом случае татары уже не похотят сносить другого от наших войск разорения и гибели, но скорее под высочайший вашего императорского величества покров подадутся. И на них же турок подымутся. Потому же их ныне против шаха послать боятся. И по претендуемой алиации с шахом при первом нашем движении отпадения от них Крыма боялися“.³

Приведенных материалов вполне достаточно для того, чтобы была понятна та крайне напряженная внутренняя обстановка, которая господствовала в Османской империи в середине XVIII века. Разумеется, переживаемые страной трудности имели постоянное и самое непосредственное влияние на внешнюю политику Порты. Прежде всего нужно было как можно скорее закончить войну с Ираном, так как продление ее угрожалось отложением ряда восточных провинций, население которых склонялось перейти под покровительство Надир шаха. „А что более страшит, — писал Вешняков, — что народ весь в Анатолии ему (Шаху, — А. Т.) склонен, оный же (т. е. народ, — А. Т.) зело от турок оскорблен долголетним разорением и ныне в крайнюю нужду и голод приведен“.⁴

У османских правителей нехватало сил ни преодолеть народное недовольство, ни помочь населению в крайне бедственном его положении, ни победить армию Надир Шаха. Война угрожала затянуться долго и исход ее был абсолютно неясен. В такой обстановке у некоторых политических деятелей в Стамбуле возникла мысль прибегнуть к посреднической роли России и с ее помощью ускорить окончание войны. Правда, русское правительство, зная о подозрительных связях Порты с враждебными России государствами, не предлагало своего посредничества.⁵ Но при одной только мысли о том, что Россия может выступить „медиатором“ и потребовать за это право свободной торговли в Черном море, у турецких правителей возникал такой страх, что они соглашались лучше бесконечно продолжать эту, крайне изнурительную для страны войну, чем обратиться к помощи России.

Вот как об этом сообщал в своей реляции от 7 ноября 1744 г. Вешняков: „... а медиации и гарантии просить гордость их претит, а паче всего недопустить их имеющее мнение, что за то нужно будет вашему императорскому величеству какие великие авантажи дать, а особливо я думаю боятся того, чтоб не было требовано пункта всякой навигации и в портах их на Медитеранском море, в Архипелаге и сюда, а всего наивяще во всем Черном море с построением Таганрога и вольности

¹ АКЦИДР. Сношения с Турцией 1748, № 2, л. 23.

² Миралем, имени которого мне установить не удалось, и капыджибаши Якуб ага — чиновники Дивана.

³ Там же, 1743, № 5, л. 523.

⁴ Там же, 1743, № 5, л. 20.

⁵ Там же, 1744, № 2, л. 191.

всякие корабли сюда иметь. Сей последней никогда не допустят, разве бы уже дошли до самой крайности, яко то свыше всего почитают равне с покорением Крыма; потому лучше похотят с шахом всегда войну иметь и многие бедства понести, нежели на то поступить...“.¹

Вопрос о свободном выходе на внешний рынок через Черное море становился для России все более насущно острым. Вслед за Вешняковым в разрешении этой проблемы немало положили труда и Адриан Неплюев, и Алексей Обресков.² Однако результат был один: Порта категорически противилась всем предложениям России о свободе торгового судоходства на Черном море, несмотря на все выгоды, которые ей в связи с этим представлялись. Так, 11-го декабря 1744 г., во время беседы Вешнякова с реисэфенди (государственный секретарь по вопросам внешних сношений) Али ходжой, последний завел разговор о возможном обращении Порты к России за медиацией, причем тут же сказал, что Порта не согласится на свободную торговлю в Черном море. На это Вешняков ответил, что он еще не знает, каков будет ответ на это его правительства, а что касается торговли, то „только может сказать, что такая навигация ежелиб паче чайния когда-либо от России требована была, более к пользе и прибыли турецкой послужила; что одной России касается, когда б оная дозволилася на каких-либо сходных от обеих сторон пределах, нежели настоящее воспрещение оная, которые никакова рассудного рассуждения не имеет опроч бесосновательного подозрения и чтоб не познали мест и пути по оному и то весьма всуе; яко что до моря надлежит — до самого последнего пристанища глубины и мели то есть до самого Серкского мызу все давно уже ведомо не только в России, но и во всей Европе публичными печатными картами...“. От обоюдной торговли „...не малая была бы прибыль турецким подданным и от пошлин государственной казне, но когда здесь того разуметь не хотят и об общем благе нет пощения, то не стоит труда более о сем рассуждать“.³

Не трудно было уже тогда заметить (на это обращает внимание и Вешняков), что не столько заботясь об интересах своего государства и своего народа, сколько во имя „бесосновательных опасений“ следуя советам западно-европейских дипломатов, османские правители тщательно ограждали себя от всяких, даже самых скромных, предложений со стороны России, предусматривающих в тот период, как правило, обоюдные с Турцией интересы.

Таким образом, противопоставляя себя России во всем и борясь с нею всеми средствами за свою „самостоятельность“, Османская империя вместе с тем уже тогда постепенно начинала склонять голову перед усиливающимися державами Западной Европы, оказывавшими ей деятельную поддержку в этой борьбе. Естественно, возникает теперь вопрос: не в этом ли и была одна из важнейших причин того, что Турция в последующий период все более теряла свою независимость в пользу западных держав, причем не только уже во внешней, но все больше и во внутренней политике? Анализ приведенных выше фактов, кажется мне, позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Разумеется, при этом нельзя забывать, что уровень общего экономического и культурного развития Турции, начиная с того времени, представлял также благоприятную почву для проникновения и закрепления иностранного влияния в различных формах.

¹ Там же, 1744, № 7, л. 21—22.

² В. Уляницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1833, стр. 71 и сл.

³ АКИДР. Сношения с Турцией, 1744, № 7, лл. 238—296.

Не случайно именно к этому периоду (1740 г.) относится заключение второго договора о капитуляциях, предоставляемых Франции,¹ который подтверждал и закреплял „навечно“ не только дарованные ранее французам льготные условия торговли в турецких владениях, но и предусматривал ряд дополнительных привилегий для французских подданных, находящихся в Турции. Как известно, окончательное закабаление Османской империи иностранным капиталом относится ко второй половине XIX в., но исторически почва для этого подготавливалась, конечно, гораздо ранее, в течение предшествующих столетий. Приведенные выше факты, относящиеся к такому сравнительно короткому отрезку времени, как два десятилетия середины XVIII в., дают ясное представление о тех конкретных средствах, при помощи которых западные державы уже тогда стремились удержать (и удерживали) Османскую Турцию в сфере своего влияния.

„Попечение о торговле, — писал в 1762 г. российский канцлер князь М. Л. Воронцов, — которое все европейские народы с некоторого времени за главное в правительстве правило принимать стали, было причиною, что каждая корона, стараясь о распространении своей, старалась при том и о уменьшении соседственной“.²

Что касается позиции России по отношению к Османской империи в рассматриваемый период, то несомненно, что она характеризовалась последовательным дружелюбием и стремлением разрешить обоюдные вопросы, вытекающие в эти годы из общей международной и внутриполитической обстановки, путем мирного урегулирования и соблюдения взаимных интересов. Самым существенным и для России продолжал оставаться вопрос об организации и расширении торговли через Черное море как с турецкими владениями, так и с другими государствами Леванта и Западной Европы. Однако, как мы уже видели, в этом пункте все начинания России обречены были на неудачу,³ по причине крайней подозрительности и недоверчивости турок ко всем предложениям, исходившим со стороны России.

Русскому правительству было ясно, что если бы не крайне тяжелое внутреннее состояние Османской империи, турки попытались бы осуществить ряд серьезных операций против России. Правительство Елизаветы особенно беспокоило стремление Османских правителей расширить свои владения за счет прикаспийских территорий, принадлежавших Ирану, и зайти таким образом в глубокий тыл России. В цитированной записке канцлера М. Л. Воронцова „Описание состояния дел во время государыни императрицы Елизаветы Петровны“, составленной в июне 1762 г., при перечислении пунктов, по которым следует опасаться агрессий со стороны Порты, это обстоятельство поставлено в ряду первых: „Российскому двору однако ж нужно на нынешнее время того престоерегать, чтоб турки по польским делам пребыли в покое и чтоб не похотели они учинить приобретение над Персиею, и особливо близ Каспийского моря, понеже в таком случае не трудно им будет не токмо заведенный на том море Российский торг ниспровергнуть, но и очистить себе путь во внутренние пределы российские“.⁴

Несмотря на заключенный в 1739 г. трактат „вечного мира“, в Петербурге никогда не было уверенности в прочности позиции турок, так как

¹ Первая капитуляция была дарована французам Сулейманом Кануни в 1535 г.

² Архив кн. Воронцова, кн. 23, стр. 273.

³ Вспомним проекты об организации черноморской торговли кн. Юсупова (Улянцк и й, ук. соч., стр. 71 и сл.).

⁴ Архив кн. Воронцова, кн. 25, стр. 301.

здесь чувствовали и знали, что позиция эта в любой момент может измениться самым неожиданным образом. Воронцов, часто непосредственно соприкасавшийся с бесчисленными уловками турецкой дипломатии, писал по этому поводу: „Упомянутый трактат вечного мира во всех его артикулах Россия хранит с точностью, но Порты Отоманская нередко поступает в противность оному, по своенравию владеющего султана или верховного визиря. И понеже долговременное искусство довольно доказало, что на добрую веру и совесть турков полагаться не можно, но паче они... всегда содержат вредные намерения... и заключенные трактаты вероломно нарушают... то Россия и Австрийский дом, почитая Порту Оттоманскую общим себе неприятелем, как для собственной обороны своей, так и для содержания турков в их должности, вступили между собою в тесный союз...“¹ Этот союзный трактат 1746 г. с Венским двором был в 1753 г. подтвержден особым актом, в котором оборонительные обязательства против турок закреплялись „навечно“. В целях той же обороны, на случай нападения турок, Петербургским правительством было принято решение построить крепости на тех направлениях, со стороны которых турки более всего могли угрожать. Такими направлениями были: пограничные с Турцией земли в низовье Дона, где собирались построить крепость св. Дмитрия вместо разоренной ранее крепости св. Анны, и пограничные земли на реке Ингуле, где должна была возникнуть крепость св. Елизаветы.

Однако Порты, узнав о предполагаемой постройке крепостей, категорически воспротивилась, доказывая, что это противоречит условиям договора, хотя было вполне ясно, что названные крепости строились на значительном расстоянии от „барьерных земель“ и располагались во внутренних границах Российского государства. В итоге долгих споров по этому поводу, русское правительство, не желая обострять отношений, вынуждено было временно отказаться от постройки крепостей. Однако после развязавшейся войны с Пруссией, узнав о чрезвычайной активности английского представителя в Стамбуле и о склонности Порты к заключению договора с Пруссией, русское правительство нашло нужным усилить свои гарнизоны в пограничных с турками областях на Украине и на Дону.

Русское правительство принимало энергичные меры и к тому, чтобы ликвидировать те многочисленные конфликты, которые часто возникали на границе между крымскими татарами и казаками. Так, между Россией и Турцией существовала договоренность, на основании которой запорожские казаки могли ездить за солью в Крымские степи и ловить рыбу в низовьях Днепра. Однако крымские татары чинили препятствия этому, часто нападали на казачьи обозы и подвергали их ограблению, а также вообще нападали на близлежащие к границе селения казаков.

В ответ на это, конечно, и казаки в свою очередь не оставались в долгу и, при удобном случае, мстили татарам за нанесенные обиды. Вследствие этого и возникала частая необходимость разбирать подобного рода конфликты, разыскивать и наказывать виновных и т. д. Чтобы упростить наблюдение за пограничными дорогами, по предписанию из Петербурга, резидент Обресков имел 23 марта 1752 г. конференцию с великим везиром по вопросу „об учреждении в границах Российской империи и Оттоманской Порты к воздержанию запорожских казаков и татар от продерзостей“. Было решено учредить в наиболее проходимых местах пограничные заставы. Однако, несмотря на то, что Порты дала согласие

¹ Там же, кн. 25, стр. 302.

на учреждение подобного рода застав, она всячески оттягивала его исполнение и не давала указаний Крымскому хану по этому поводу.¹ В конце концов заставы были построены в 1754 г. только со стороны России на реке Каменке и на реке Ингуле.²

На неоднократные предложения со стороны России об учреждении в Крыму русского консульства, в задачу которого входило бы разбирательство разного рода пограничных конфликтов и наблюдение за безопасностью русских купцов в Крыму, Порта отвечала категорическим отказом.³ (Между тем, французский посол, для которого, по существу, не было никакого дела в Крыму, давно сидел там).⁴

Свидетельством тому, сколь не обеспечены были интересы русских купцов в Крыму, являются такие факты, как, например, описанный в меморее, поданном Вешняковым Порте 11 июня 1745 г. В нем излагалась жалоба резидента на произвол турецких таможенных чиновников в Крыму, которые произвольно облагали русских купцов многочисленными обременительными пошлинами, не предусмотренными соглашением о торговле.⁵

Подобные случаи, как подчеркивает там же Вешняков, были не единичны, и, таким образом, торговля русских купцов в турецких владениях в столь ненадежных условиях сопряжена была с большим материальным риском. В ответ на подобного рода жалобы резидента султан посылал грозные указы в Крым и Еникале, но указы эти не всегда были достаточно действенны и все оставалось по-старому. Пребывание в Крыму русского консула способствовало бы созданию более благоприятных условий для российских купцов, однако Порта не соглашалась допустить в Крым русского наблюдателя.

Крымские татары держались султанским правительством в качестве боевого резерва на случай войны с Россией и не в интересах Порты было строго укрощать татарскую вольницу. Более того, желая расширить свое влияние, турки стремились подчинить своей власти и близлежащие к Крыму земли Ногайских татар, которых они усиленно переманивали в свое государство. „Главнейшая претензия на турок, — писал в 1762 г. Воронцов, — ныне в том состоит, что они в 1742 году бывшую в Российском подданстве орду ногайских татар, в противность последнему мирному трактату, приняли под свою протекцию и оных, не взирая на сильные о выдаче их здешние представления и требования, у себя держат“.⁶

Не менее важно было также следить и за тем, чтобы Порта, пользуясь поддержкой Франции, Швеции и Пруссии, не усилила своих позиций в Польше, откуда она могла серьезно угрожать России. Это обстоятельство неоднократно и настоятельно подчеркивается в многочисленных документах изучаемой нами эпохи. Так, например, русский резидент в Варшаве Глембовский в записке от 11 января 1746 г., поданной ко двору, о происках в Польше Пруссии, Франции и Швеции, писал: „...равно как и Оттоманская Порта, (будет) пользоваться искать, дабы силе Российской, на кого они завистливыми очами смотрят, каким либо образом пределы положить и что его величество Петр Великий... сие довольно признавая, Польшу всегда за зело потребную России барьеру оборонял, с Саксониєю и Австриєю в рассуждении Порты тесный союз содержал“.⁷

¹ АКИДР. Сношения с Турцией, 1746, № 8, лл. 21—32.

² Там же, лл. 42—43.

³ Там же, 1747, № 3, л. 13.

⁴ Там же, № 7, л. 75.

⁵ Там же, 1745, № 5, л. 352 и сл.

⁶ Архив кн. Воронцова, кн. 25, стр. 305.

⁷ Там же, кн. 7, стр. 123—124.

Сформулированные Воронцовым пункты о претензиях к османскому правительству наиболее полно отражают все те вопросы, которые более всего причиняли беспокойство Петербургу в связи с общей международной обстановкой к начальному периоду царствования Екатерины II.

„Россия при европейских замешательствах, — писал Воронцов, — от Порты опасаться имеет — 1) чтоб не похотела она воспользоваться смятинами персидского государства и на ущерб его учинить приобретения, особливо ж распространиться до Каспийского моря, в каком случае Россия принуждена будет обратить свою атенцию с той стороны; 2) чтоб не напала войною на Австрийский дом, за который Россия, по силе вышеупомянутых обязательств и ради собственных интересов своих, вступиться принуждена; 3) чтоб не вмешалась в нынешние ссоры христианских государей, в таком случае все они вообще, и особливо Россия, приведены будут в заботу; 4) чтоб при будущем избрании нового короля Польского, в случае кончины нынешнего, не приняла она участия в польских делах, а сие для России равномерно вредительно; 5) чтоб по заключении ныне трактата дружбы и коммерции с королем прусским не постановила вредных обязательств противу соседних держав и особливо противу России, так как она уже действительно вступила в оборонительный союз противу ея с шведами в 1739 г., о чем прусские министры при Порте тщательно стараться не оставят“¹

Такой чрезвычайно острой общей международной обстановкой характеризовались отношения между Россией и Османской империей в эпоху царствования Елизаветы Петровны. Россия, крайне заинтересованная в свободном выходе в Черное море и в расширении внешних торговых связей, пока еще не предъявляла открыто никаких серьезных претензий к Порте. Заинтересованная более всего в сохранении мира на юге, Россия зорко следила за поведением этого своего, не очень надежного, соседа. Между тем, Порта, по всей видимости, не прочь была использовать благоприятную международную обстановку в собственных интересах и „ласкала“ в Стамбуле своих возможных союзников против России, но переживала крайне тяжелые внутренние финансово-экономические затруднения, которые не позволяли ей встать на путь новых военных авантур. Эти обстоятельства, пожалуй, и определяли в решающей степени тот не всегда ровный характер „дружбы“ Османской Турции по отношению к России, который показан выше, а также те весьма странные выходы турецких дипломатов, которые они позволяли себе не только в Стамбуле или в Крыму, но даже и в российской столице, как это неоднократно бывало при посещении Петербурга посланниками Порты.

Охарактеризованная выше политика правящих кругов Турции, находившая серьезную поддержку в среде аккредитованных при стамбульском дворе дипломатов западно-европейских держав, так и не позволила разрешить мирными средствами ни одной из тех проблем, которые прочно встали в порядок дня русско-турецких отношений с начала XVIII в. Это обстоятельство и привело к новым столкновениям между Турцией и Россией в конце XVIII в., в результате которых уже силою оружия было положено начало разрешению для последней как вопроса о черноморском судоходстве, так и вопроса о выходе русских судов из Черного моря во внешние моря.

¹ Там же, кн. 25, стр. 305.